

ИТАЛЬЯНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ФИЛОСОФИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ

От редакции

Название «Итальянская философия в ее отношении к философии европейской», было предложено Джованни Джентиле для цикла лекций, прочитанных Берtrandо Спавентой (1817–1882) в Неаполитанском университете в ноябре-декабре 1861 г.* В этих лекциях известный итальянский философ периода Рисорджименто, представитель неаполитанского гегельянства излагает свою концепцию развития европейской философской мысли, начиная с эпохи Возрождения, и рассматривает историю итальянской национальной философии как неотъемлемую и существенную часть общеевропейского философского процесса. Согласно этой концепции, европейская идеалистическая философия, достигшая своего наивысшего развития в трудах Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, берет свое начало еще в Италии в эпоху Возрождения в сочинениях Джордано Бруно и Томмазо Кампанеллы, которые, в свою очередь, выросли на почве, возделанной более ранними представителями итальянского Ренессанса. Так, мысль Бруно и Кампанеллы, развитая и обогащенная в трудах Декарта, Спинозы и Локка, по мнению Спавенты, вновь возвращается в Италию, углубляясь в трудах Дж. Вико, который во многом превосходит в своем учении идеи немецкой классической философии. Достигнув кульминации в Германии, эти идеи затем снова вовлекаются в итальянскую философскую мысль, воплотившись в работах П.Галуппи, А.Розмини и В.Джоберти.

Отстаиваемый в лекциях тезис о развитии национальной философии в контексте философии европейской противостоял распространенным в академической среде того времени представлениям об особом пути итальянской спекулятивной мысли, о несовместимости ее результатов с философскими достижениями других народов – точкой зрения, препятствующей, по словам Спавенты, свободному и открытому философскому поиску. Идеи Спавенты оказали заметное влияние на дальнейшее развитие итальянской философии, в частности на формирование философских взглядов его племянника, молодого Бенедетто Кроче, оставшегося после смерти своих родителей под покровительством брата Берtrandо, Сильвио Спавенты.

В публикуемом материале вниманию читателя предлагается перевод первой и третьей лекций из указанного цикла.

* Оригинальный титул при первой публикации (Неаполь, 1862): *Prolusione e introduzione alle lezioni di Filosofia nella Università di Napoli, 23 novembre – 23 dicembre 1861* (Предварительные замечания и введение в курс лекций по философии, прочитанный в Неаполитанском университете с 23 ноября по 23 декабря 1861 г.).

Лекция первая

Есть еще и другие, кто, словно будучи одержимы каким-то легковерным безумием и страшаясь, что зрелище света свет их прикончит, упрямо цепляются за мрак ложных знаний, некогда ими полученных. Но есть умы и более счастливые и благородные, в чьих душах найдет отклик всякое достойное начинание: суждения их не подчиняются произволу, ум их свободен, взор ясен; небо произвело их если не созидателями, то превосходными исследователями, испытателями, судьями и свидетелями истины. Их-то согласие и любовь и стяжал, стяжает и впредь будет стяжать Ноланец.

– Посему вот на каком вопросе следует нам задержать око своего размышления: мы ли осенены светом дня и над нашим ли горизонтом сияет светило истины, или же над горизонтом наших противников... мы ли погружены во мрак, либо же они; и, наконец, выпало ли нам, зачинателям восстановления древней философии, жить при заре, полагающей предел ночи, или же при закате, отмечающем конец дня».

Джордано Бруно. Пепельная трапеза. Диалог I.¹

Господа,

Оправдание науки – умение видеть, что она есть не только рассвет, как говорит Бруно в прочитанных мною словах, но и зрелый полдень и что враги ее осенены не просто закатом, но глубокой ночью, – такое оправдание науки, или исчерпывающее свидетельство науки о себе, дает сама наука, наука в ее целостности.

Нельзя в полном смысле говорить об оправдании науки, пока она не пришла к своему последнему результату, пока она не достигла своей цели. И эта цель есть сама наука, наука как объект науки, наука, которая объясняет саму себя.

Это свойство науки – в самой себе находить исчерпывающее оправдание своего существования – порождает и ее преимущество, и трудности, встающие на ее пути. С одной стороны, она не должна допускать ничего, что не было бы наукой, и сама она существует только при этом условии. С другой стороны, она должна объяснять не только так называемую действительность, существование вещей и их порядка в мире, но и саму себя как высшую и абсолютную действительность. Наука не есть, как это принято думать и как часто считают сами ученые, простой образ, более или менее правдоподобное подобие действительности или существующего положения вещей: она не есть фотография, более или менее удачно воспроизводящая мир, к которому ни фотограф, ни сама фотография непосредственно не принадлежат. Действительность, мир, взятый сам по себе, без науки, не есть истинный реальный мир. Таковым является одна лишь наука, ибо наука означает не что иное, как истину мира. Действительность без науки – это только часть действительности, часть, которая, будучи взята как целое и просто отображенная наукой, оказывается ложной, ибо только в единстве частей, которое есть Целое, она приобретает свое истинное значение.

¹ *Giordano Bruno. La cena de le Ceneri / Le souper des Cendres. Texte établi par Giovanni Aquilecchia, traduction d'Yves Hersant, introduction par Adi Ophir, notes par Giovanni Aquilecchia. Paris, 1994. P. 55–57, 63 (Пер. А.А.Россиуса).*

Частным наукам, таким, например, как математика или физика, не присуще ни названное преимущество, ни трудности. С одной стороны, они содержат в себе свои собственные принципы, а с другой – не могут сами служить достаточным оправданием своего существования в качестве науки. Так, материал геометрии – чистые величины пространства, но никак не сама геометрия; материал физиологии – жизнь, но никак не сама наука о функционировании жизни. Только философия имеет в качестве предельного объекта себя саму; и только объяснив себя, она может претендовать на объяснение реальности.

Поэтому философия – не наука среди других наук, но Наука; не только, как принято говорить, первая наука, наука фундаментальная, но, скажем так, окончательная наука. Философия – не отправная точка, не общее место, из которого выходят все частные науки, а затем странствуют и движутся каждая сама по себе в непредсказуемом направлении; именно философия есть и направление, и общая цель их движения. Словом, для частных наук философия – не простое воспоминание об истоках, формула, заученная в детстве, первое крещение, следы которого теряются в жизненном потоке; она – цель, ведущая зрелого человека, будущее, к которому он идет, его последнее посвящение.

Тот, кто приступает к изучению науки, должен в большей мере, чем другие, обладать добрым расположением духа, иметь некое доверие к тому, кто его обучает, некую долю терпения: он должен уметь ждать, ибо свет приходит тогда, когда должен прийти. Таковы умы счастливые и благородные, в коих найдет отклик всякое достойное начинание. Вот у таких людей, рискуя показаться не в меру дерзким, я надеюсь заслужить одобрение и любовь.

Но увы, таких умов не бывает много! А будь их и много, всегда найдутся те, кто одержим каким-то легковерным безумием, кто страшится, что зрелище света свет их прикончит, кто упрямо цепляется за ложные знания, некогда ими полученные.

Говорить таким людям: «Погодите, наберитесь терпения, в конце концов наука полностью оправдает себя», – пустая трата времени и сил.

Вы приглашаете их войти в храм Науки, зовете подойти к алтарю, проникнуть в Святая святых; а они или останавливаются в дверях, или поворачиваются спиной. Но почему? Потому что, услышав первое же сказанное вами слово, они видят в вас нечто, что посягнет на их легковерное безумие, на их страхи, на их ложные знания.

Таким людям говорить: оправдание будет предъявлено! – не имеет смысла. Оправдание имеет вес для тех, кто уже вошел в храм. Но что делать с теми, кто не желает войти?

Я вижу, что все вы уже вошли в этот зал, и обращаюсь к вошедшим. Но мне хотелось бы, чтобы ваше присутствие здесь стало истинным вхождением, вхождением духовным. На этом пороге нужно сбросить с себя всякое легковерное безумие, все нелепые страхи, все свои ложные знания: иными словами, все предрассудки.

Мне кажется, что единственный путь должен быть таким: взглянуть этим предрассудкам в глаза, сразиться с ними, так сказать, лицом к лицу, со всей откровенностью, без пустых расшаркиваний; заставить себя увидеть, что легковерное безумие – это лишь легковерное безумие, страх – всего лишь страх, а ложное знание – ложное знание. Иначе говоря, понять, что предрассудки или непонимание – это предрассудки и непонимание.

Но ведь к числу наиболее пагубных наших предрассудков принадлежат: – ложная идея нашей отечественной философии,

– ложная идея истории философии в целом – представление, согласно которому последние достижения, к которым пришла европейская современная спекулятивная мысль, будто бы находятся в противоречии с последними результатами, достигнутыми нашей философией.

Цель моей лекции – в том, чтобы победить и тот, и другой предрассудки, которые, в сущности, представляют собой единый предрассудок; то есть изложить истинную концепцию – точнее, концепцию, которую я считаю истинной, – нашей философии и философии европейской и показать, что они совпадают и должны совпадать.

В самом деле, истинно философский дух – это дух арийский², наш дух. Вначале мы, различные индогерманские или, если угодно, индоевропейские народы были одним родом, одной семьей, одной массой. Естественно, еще не было философии, не было еще и многого другого, наличие чего предполагает философия. Затем постепенно, мало-помалу мы разделялись, может быть, даже не сказав друг другу «прощай» и не думая, что однажды мы вновь встретимся: кто-то пошел туда, кто-то сюда, рассеясь, как сказано в Писании, по лицу земли³. Это разделение было большим шагом вперед: мы начали превращаться в народы, чтобы обрести собственную жизнь, отличную от других, национальную; чтобы развить во множестве различных форм и видов все богатство заложенных в нас искони свойств. Кто-то из нас достиг прежде других такой ступени развития, что смог выразить свою интуицию и восславить тайну жизни в том ясном и высоком сознании, которое принадлежит одной философии. Так, наша древность – вернее сказать, вся древность – создала две великие философии: индийскую и греческую, в которых арийский дух во всей полноте отразился как индийский и греческий. Другим не суждено было своими силами подняться до этой высоты сознания. Таким был, как бы кто ни пытался оспорить это, удел римлян. Позднее, спустя много времени, после стольких испытаний, стольких битв, из которых мы вышли в той или иной мере с другим лицом и даже почти с другой сущностью, мы вновь начали объединяться: мы почувствовали и осознали наше единство, общность нашей природы, связующей нас не только между собою, но и с народами, происходящими от других корней. Наиболее ясное и подлинное выражение этого осознания – осознания нашей принадлежности к человечеству – являет собой современная философия. Стоит убрать это осознание, и современная философия потеряет свой смысл. Я сказал о современной философии, а должен был бы сказать о древней: о философии греческой, начиная уже с Сократа, ибо сократический принцип, понимаемый в более или менее узком смысле как простая идеальная объективность Платона и Аристотеля, в наиболее чистом и полном осуществлении своих потенций есть не что иное, как антропологизм. В лице Сократа философия предваряла, по крайней мере, повторю еще раз, потенциально новые времена – время торжества человека.

Теперь это очевидно даже слепцам, но не нашим новым брахманам, тем, кто создал себе историю философии на свой лад, иерархически разделив ее на касты подобно тому, как древние делили индийское общество. Всякий народ, говорят они, имеет свою собственную исключительную философию, и каждая философия – это каста. Горе, если перемешаются касты! В Европе сегодня

² Автор использует здесь лингвистический термин, употреблявшийся в XIX в. как синоним понятия «индоевропейский». В настоящее время арийской, или индоиранской, именуется восточная ветвь индоевропейской семьи языков.

³ *Бытие* 11:4: И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли.

рождаются онтолог и психолог, чистый и нечистый, теист и пантеист, как в долине Ганга рождались и все еще рождаются брахман, кшатрий, вайшья и шудра. Разумеется, брахманы – первое порождение Брахмана – это мы, итальянцы; и нет нужды говорить о том, кто здесь шудры, мало того – чандалы, нечистые, неприкасаемые, поставленные вне закона. Будь правда на стороне наших брахманов или будь у них столь много власти, сколь мало в них разума, они действительно превратили бы Италию в новую брахманскую Индию, и мы спокойно смотрели бы свои сны на развалинах нового буддизма!⁴

Показать, что пути нашей философии и философии европейской совпадают, – дело истории философии.

Не мне и не сейчас перед вами писать эту историю, какой она должна была бы быть. Моя задача – лишь дать краткое изложение истории нашей философской мысли, начиная с XVI в. и заканчивая фигурой Джоберти, в ее отношении к европейской философии.

Таким будет мое введение в курс лекций по философии, моя пропедевтика. Я хорошо понимаю, что это не настоящая пропедевтика, ибо я не рассматриваю здесь предрассудок, точнее, всю цепочку предрассудков (все, что относится к ложному пониманию) сознания как такового; не поднимаю я это сознание до горизонта науки и посредством критики означенных предрассудков. Мы подвержены предрассудку более сильному, чем упомянутые общие предрассудки сознания; речь идет именно о национальном предрассудке, свойственном именно нашему сознанию, о чем я уже говорил. Этот устойчивый, присущий нам предрассудок я должен преодолеть.

Итак, только твердо согласившись с тем, что истина как результат исторического процесса уже вошла над нашим горизонтом, что нам выпало жить при заре, полагающей предел ночи, а не при закате, отмечающем конец дня, мы сможем свободно и уверенно двигаться внутри этого горизонта и строить систему науки.

Настоящее введение будет кратким, и по этой причине, в частности, оно не сможет вместить в себя все важнейшие фигуры во всем многообразии их мысли. Этот недостаток я постараюсь возместить в специальных курсах, посвященных системам итальянских философов.

Лекция третья

I

Мне предстоит определить, в чем состоит характер нашей философии, и показать, как происходило ее развитие. Я говорю о характере и о развитии, поскольку характер сам по себе есть нечто абстрактное, и его актуализация, можно даже сказать, его жизнь – это как раз и есть развитие. Так, если взять греческую философию, то ее характер – объективизм, а его развитие – все более глубокое погружение внутрь объекта вплоть до отрицания простого объекта в принципе как такового.

Характер нашей философии в точности тот же, что и характер всей современной философии, существенно отличающийся от характера древней философии: он состоит в поиске принципа всякого явления не в абсолютной объективности, материальной или идеальной, а в абсолютном мышлении.

⁴ Очевидно, что Спавента пишет эти строки, не задумываясь над деталями, и отождествляет Индию и ее кастовое устройство с буддизмом только для красоты слога.

Развитие представляет собой развертывание, противоположение и, наконец, единство двух моментов абсолютного мышления: бесконечной объективности и субъективности, живой реальности природы и автономии человеческого сознания.

Произнося слова «характер» и «развитие», я не утверждаю, будто наши философы имеют ясное представление о процессе нашей мысли, какое есть в наши дни у философов Германии и какое отчасти было в Греции в античные времена. Я говорю только о том, что, когда определена собственная идея каждой системы и их общая тенденция, становится отчетливо виден присущий им характер и развитие. Подобному ясному представлению, а следовательно, и истинному, открытому и свободному развитию нет места в Италии именно потому, что здесь недостает свободы самой жизни.

Наша философия начинается как критика или как отрицание (более или менее откровенное и живое) философии Средних веков – схоластики.

Для понимания ценности такого отрицания необходимо понять, что именно отрицалось, то есть представлять себе идею схоластики.

Действительность, составлявшая объект схоластики, была в целом действительностью фантастической, данной через религиозные представления, от которых средневековая философия не могла никогда полностью освободиться. Философия, по слову учителя Церкви⁵, была служанкой теологии. Из такого отношения вытекают следующие положения:

– претензия понять Абсолют посредством конечного и формального разума, в силу чего Абсолют превращается в нечто пустое и абстрактное, в творение самого разума. И одновременно с тем:

– представление о Боге как внеположенном миру природы и миру духа и, следовательно:

- принижение статуса человека и природы;
- абстрагирование от всякого конкретного и реального элемента жизни;
- отказ знанию в достоверности;
- преобладание веры и мистической интуиции над наблюдением, опытом, чувственным восприятием и сознанием.

Все эти положения сводятся к двум:

- отрицание природы: отказ ей в статусе реальности;
- отрицание субъективности: непризнание субъективной достоверности.

Критика данной философской позиции, иными словами, философия Возрождения, неизбежно должна была выступить в таких формах, как:

- отделение философии от теологии;
- отрицание мистицизма;
- критика конечности разума и доказательство невозможности достичь Абсолюта посредством категорий (отделенных друг от друга и оторванных от своего рационального единства, в котором именно и заключается их истинное значение), иначе говоря, скептицизм, ученое незнание, для которого познание есть не более чем простое предположение;

– натурализм, то есть необходимость познавать и изучать природу, поскольку только такое знание есть лестница, ведущая к познанию Бога, – природу, которая есть не что иное, как образ и подобие Бога, или же сам Бог как имманентная сущность в вещах (*Natura est Deus in rebus*: Бруно)⁶;

⁵ Выражение *philosophia ancilla theologiae* приписывается св. Петру Дамиану (1007–1072).

⁶ «Природа есть Бог в вещах» (Бруно Дж. «Изгнание торжествующего зверя», диалог 3, часть 2; ср. «О неизмеримом и неисчислимом», кн. V, гл. 11; здесь и далее пер. цитат с лат. яз. А.А.Россиуса).

- принцип достоинства человека, соединяющего в себе мысль и волю, теоретический разум и разум практический;
- признание законности удовольствия и мирского элемента вообще как существенного момента добродетели и жизни духа;
- поиск принципа непосредственной достоверности и научной доказательности, который есть не что иное, как Я, сама мысль (*ego cogito*): сначала как чувство или опыт вообще, затем как сознание или рациональное мышление.

Все эти положения рассеяны, несколько беспорядочно, в произведениях наших и иностранных философов той эпохи. Это всего лишь симптомы, семена и ростки, которые мало-помалу собираются и обретают полноту жизни в сознании Бруно и Кампанеллы; они сводятся к следующему:

- ценность природы;
- ценность субъективности.

Бруно и Кампанелла замыкают эпоху Возрождения в Италии. Уже с этих пор очевидна общность пути, которым идем мы и другие народы. Я ставлю перед собой задачу рассмотреть это новое течение на примере творчества только названных двух мыслителей.

II

На тот случай, если кому-нибудь вздумается заявить, что перечисленные выше положения якобы выдумал я сам с целью посеять в наивных душах чувство той общности пути, какой, по мнению наших брахманов, нет и быть не может, и через то посрамить национальную самобытность нашей философии, тогда как Кампанелла и Бруно – это ведь еще не вся итальянская философия Возрождения, не говоря уж о том, что от одного исходит зловолие заговора и тюрьмы, а от другого – ереси и костра, на такой случай я считаю долгом своим предварить подробное изложение мыслей этих двух наших философов кое-какими дополнительными соображениями. Доказательством общности нашего пути с другими народами и исторической достоверности выведенных положений может быть только сама история философии Возрождения: долгое, трудное и тяжелое дело, за которое еще только предстоит взяться историкам. Не имея ни возможности, ни намерения излагать здесь эту историю, я удовольствуюсь чтением вслух, дословным или конспективным, с отдельными комментариями, некоторых мест из произведений философов того времени, в которых новое направление и новые положения мне кажутся в высшей степени очевидными. Помимо прочего, подобные чтения, не заслуживающие даже названия простой хроники, в любом случае будут полезны если не для создания, то, по крайней мере, для подготовки в ваших душах уверенности в единстве путей итальянской и европейской философии, в чем и состоит задача моих лекций.

а) Моему обвинителю, который на предыдущей лекции уличал меня чуть ли не в желании разрушить схоластику (*sic!*), я отвечал: «это не я, но сама история, которая давно уже взялась за это дело». Теперь я мог бы еще сказать ему: хватайте вместе с нею и кардинала из Кузы, ведь он был первым, этот кардинал, кто сбросил ярмо, которое, как доносит мой обвинитель, будто бы намеревался сбросить я. Не извольте тревожиться, сударь, и будьте спокойны: ярмо не только сброшено, но и сокрушено уже несколько столетий назад, и кто бы что ни говорил и ни делал, чтобы вновь натянуть его нам на шею, это останется лишь безобидным желанием или, точнее, благочестивым воспоминанием.

Бруно и Кампанеллу отделяют от Николая Кузанского около 200 лет. Прежде всего Кузанец призывает к религиозной терпимости, причем отвага его могла бы навести страх даже в наши дни. *Non est nisi una religio in rituum varietate... Una est igitur religio et cultus omnium intellectu vigentium*⁷. Философским основанием этой терпимости была двойная тенденция, более или менее общая для всех философов Возрождения и прямо противоположная схоластике, а именно убежденность в том, что совершенное знание истины (Бога) невозможно (скептицизм) и что единственным возможным знанием Бога будет знание, состоящее в созерцании природы (натурализм). Нам не дано, говорит Кузанец, познать непостижимые тайны Бога, в нашей конечности и ограниченности нам не по силам утолить нашу жажду истины. В этом смысле мы невежественны. И все же мы должны, в той мере, насколько это возможно, созерцать вселенную, чтобы приблизиться к познанию истины, ибо вселенная в глубине своей содержит великое богатство, созданное самим Господом, развернутое и рассеянное по вселенной таким образом, чтобы созерцание ее в достатке давало постоянную пищу нашему ненасытному духу. Схоласты, как известно, не видели в мире ничего, кроме убожества и страдания. Так в трудах Николая Кузанского возникает, точнее, вновь поднимается проблема созерцания природы.

У Кузанца основания названной двойной тенденции выражены в нижеследующих представлениях о Боге, о познавательных способностях, о мире.

1. Основание скептицизма. Бог есть совпадение противоположностей. *Debet autem in his profundis omnis nostri humani ingenii conatus esse, ut ad illam se elevet simplicitatem, ubi contradictoria coincidunt*⁸. Поэтому Бог есть отрицание – чистое отрицание – конечности: негативная бесконечность. Мир же, напротив, есть бесконечность привативная. В самом деле, здесь налицо внутренняя и всеобщая связь всех вещей, система вещей, Целокупность. Итак, всякая вещь есть целокупность, но свернутая. Если бы она не была свернутой целокупностью, она была бы Богом. Только Бог есть сам мир – Целое – вне свертывания: *absoluta quidditas mundi*⁹.

Мы не можем познать эту связь (*complicato*), или абсолютную чтойность, потому что у нас только три познавательные способности: чувства, рассудок, разум. Чувства позволяют нам познавать частное без связи, рассудок – ту связь внутри рода, *ubi contraria se compatiuntur ut oppositae differentiae in genere*¹⁰; разум – ту связь, *ubi contraria se compatiuntur*¹¹ вообще, вне какой-либо модальности. Выше этой связи стоит божественное соединение, *ubi omnia absque differentia coincidunt*¹². Это последнее совпадение нам постичь не по силам. Это *summa praecisio intellectus*¹³, подобно тому как разум есть высшая точность рассудка, а рассудок – высшая точность чувства.

⁷ «Есть лишь одна религия в многообразии обрядов... Следовательно, всем существам, наделенным разумом, свойственна единая религия и богопочитание» (*Николай Кузанский. О согласии веры (De pace fidei, 1453), л. d 1*).

⁸ «В вещах столь глубоких все усилия нашего человеческого ума должны устремляться к тому, чтобы возвыситься до той простоты, где противоположности совпадают» («Об ученом незнании», кн. III, 264).

⁹ «Абсолютная чтойность мира» («Об ученом незнании», кн. II, гл. 4, 116).

¹⁰ «Где противоречия совмещаются как противоположные различия внутри рода» – измененная и упрощенная цитата из трактата «О предположениях» (*De coniecturis, 1442*), кн. II, гл. I, 78).

¹¹ «Где противоречия совмещаются» (там же).

¹² Там же.

¹³ «Высшая точность разума» (там же, кн. I, гл. 10, 53).

2. Основание натурализма. Универсум есть абсолютный посредник между Богом и вещами. *Deus est, mediante universo, in omnibus; et pluralitas rerum, mediante universo, in Deo*¹⁴. Так, ум Бога познается из его творений, то есть из его отношений с миром – посредством слова Божия. Мистики же, напротив, удаляются от мира в сумрачные глубины души, надеясь на этом пути приблизиться к постижению Бога.

б) Среди греков, съехавшихся в Южную Италию, Плефон высказывается за то, чтобы в философских делах не придавать церковным мнениям ни малейшего значения. И хотя он и говорит, что теология есть высшая из наук, но стоит присмотреться, и мы видим, что это теология не христианская, но политеистическая, а Плефоновы боги – не что иное, как силы природы; выдвигая на первое место теологию, он тем самым выдвигает созерцание физического порядка вещей. Плефон был учителем кардинала Виссариона.

в) Среди филологов-почитателей латинской словесности Валла – дух беспокойный, злой язык, враг предрассудков, жадный до всего нового, – выступает с опровержением Константинова дара, подвергает сомнению предание о происхождении апостольского Символа Веры, изобличает ошибки древнего перевода Библии, а также – и здесь это важнее всего – под знаменем риторики и филологии, природы и здравого смысла вступает в битву со схоластикой, с варварским языком ее учителей и с правилами ее силлогистики. Здравый смысл для Валлы проявляется в использовании языка. Он порицает притязания тех, кто желает познать все, и заявляет, что тайны непознаваемы. *Naturam... in omnibus esse ducem. – Idem est Natura quod Deus, aut fere idem*¹⁵. – Он высказывается в пользу более свободной и менее отвлеченной морали; истинное благо, по его мнению, не добродетель, но удовольствие, составляющее цель добродетели. *Ubi sunt, qui honestum propter se dicunt expetendum? Ne Deo quidem sine spe remunerationis servire fas est*¹⁶. – Здесь скептицизм и натурализм идут рука об руку.

Также и Рудольф Агрикола, живший в одну с Валлой эпоху, впереди всех дисциплин ставит риторику и выдвигает требование ясности. Вместе с тем он утверждает, что универсальное знание невозможно и что есть загадки, которые не нашли еще своего Эдипа и, возможно, не найдут его никогда.

г) Среди платоников и теософов Марсилио Фичино вслед за Кузанцем вызывает к религиозной терпимости. Единственное средство, могущее привести к вере философа – того, кто не готов просто верить, – это добротная философия, но не проповедь. Фичино возвеличивает достоинство человека: почитая Бога, мы отдаем почести самим себе, ибо тем самым мы признаем в себе божественное достоинство. Мы познаем Бога посредством того божественного, что есть в нас самих, и никак иначе.

Джованни Пико делла Мирандола единственный возможный путь познания тайн природы видит в откровении, к которому все же необходимо добавить изучение языческих традиций, содержащих древнейшее откровение. Еще энергичнее, чем Фичино, превозносит он достоинство человека. Человек не ограничен какой-либо частной природой, его природа универ-

¹⁴ «Бог через посредство вселенной пребывает во всех вещах, а множество вещей через посредство вселенной в Боге» – сокращенная и упрощенная цитата из трактата «Об ученом незнании» (кн. II, гл. 4, 116).

¹⁵ «Природа... – водитель во всех начинаниях. – Природа есть то же, что Бог – или почти то же» (*Лоренцо Валла. Об удовольствии (De voluptate). I, 13*).

¹⁶ «Где те, кто говорит, что к нравственно-прекрасному надо стремиться ради него самого? Даже Богу не должно служить без надежды на вознаграждение» (там же. III, 8).

сальна. Definita caeteris natura, говорит Господь человеку, inter praescriptas a nobis leges coërcetur. Tu nullis angustiis coërcitus, pro tuo arbitrio, in cuius manu te posui, tibi illam praefinies. Medium te mundi posui, ut circumspiceres inde commodius, quidquid est in mundo. Nec te coeleste, neque terrenum, neque mortalem, neque immortalem fecimus, ut tui ipsius quasi arbitrarius honorariusque plastes et fictor, in quam malueris tute formam effingas. Poteris in inferiora, quae sunt bruta, degenerare. Poteris in superiora, quae sunt divina, ex tui animi sententia regenerari¹⁷. – **Hominis substantia... omnium in se naturarum substantias et totius universitatis plenitudinem re ipsa complectitur... est autem haec diversitas inter Deum et hominem, quod Deus in se omnia continet uti omnium principium, homo autem in se omnia continet ut omnium medium**¹⁸. – Человеческое знание способно объять все; в известном смысле познающий становится тем, что он познает. **Сущность всякой существующей вещи внутри ее; в процессе познания человек может сделаться обладателем этой внутренней сущности** – так учит и Аристотель, утверждающий, что душа есть все, ибо она знает все. Истинное познание всех вещей доступно человеку только посредством любви, силою желания. Долг человека – исследовать природу: в этом истинный путь к победе над суеверием. Материальное существование есть необходимое условие нашей жизни в мире и начало всякого развития.

Венецианец Франческо Дзордзи, монах-францисканец, воспевает гармонию, в которой все вещи находятся по отношению друг к другу и к человеку (*Harmonia mundi totius*)¹⁹. Бог есть высшее согласие всех вещей, и мы возвышаемся до познания Бога, отправляясь от исследования природы.

Иоганн Рейхлин также проповедует религиозную терпимость и защищает – как и его младший современник Корнелий Агриппа – евреев от нападок кельнских богословов. Он утверждает, что силлогизмы, умозаключения, рассуждения несостоятельны в познании сути вещей; для этого требуется вера. Однако и христианской веры для этого не будет довольно: имманентный Бог открывает себя нашему духу, и такое откровение превосходит глубиной христианское. Путем умозаключений невозможно понять единство противоположностей. *In mentis regione aliqua sunt necessaria, quae in ratione sunt impossibilia. In mente datur coincidere contraria et contradictoria, quae in ratione longissime separantur*²⁰. Внутреннего предчувствия Бога

¹⁷ «В других существах конечную природу ограничивают законы, предписанные Нами. Ты, не будучи стеснен никакими узами, волен сам определять границы своей природы по собственному свободному выбору, на попечение коего Я тебя передал. Я поместил тебя в середине мироздания, чтобы оттуда тебе сподручнее было озирать все, что есть во вселенной. Мы сделали тебя созданием не небесным и не земным, не смертным и не бессмертным, дабы ты как самостийный и исполненный достоинства творец и художник мог без оглядки ваять себя в тех чертах, какие тебе угодны. Ты можешь выродиться в одну из низших, диких разновидностей жизни; в твоей власти и возродиться, по произволу собственной души, одним из высших существ, жизнь коих божественна» (*Пико делла Мирандола. «О достоинстве человека»*, л. 132–132 об.).

¹⁸ «Субстанция человека... обнимает в себе субстанции всех прочих природ и всю полноту вселенной... различие между Богом и человеком состоит в том, что Бог содержит в себе все вещи как их начало, человек же причащен ко всем вещам как пребывающий в середине всех» (*Пико делла Мирандола. «Гептапл»*. V, 6).

¹⁹ Заглавие первой опубликованной книги Дзордзи «О всеобщей гармонии мира в трех песнях» (*De harmonia mundi totius cantica tria*, 1525).

²⁰ «Во владениях ума некоторые вещи необходимы, которые в области рассудка невозможны. В уме возможно совпадение вещей противоположных и противоречащих друг другу, которые в рассудке более всего отделены друг от друга» (*Иоганн Рейхлин. «Об искусстве Каббалы»* (*De arte cabalistica*, 1517), кн. II, л. XXVI).

без созерцания природы (мистицизм) недостаточно: путь к постижению Бога ведет через познание мира. *Omnes res inferiores sunt repraesentativae superiorum, et uti fit inferius, sic agitur superius*²¹. Чтобы достичь благодати в смертный час, чтобы снискать блаженство, надлежит прожить благоую жизнь и снискать в ней счастье: отсюда необходимо попечение не только о душе, но и о теле. Воля могущественнее, нежели природа. Воля Божия познается из его откровений, явленных во вселенной.

Платонизм, разумеется, не слишком был благосклонен к схоластике, и случись моему оппоненту родиться в те времена, он не преминул бы обрушить на платоников обвинения в принятой тогда форме. Эти философы писали стилем, не лишенным элегантности, они расширяли рамки теологии, которая до того момента оставалась исключительно христианской, лишенной малейшей связи с другими религиями и с самой природой; рассматривая идеи как отвлеченные типы конкретных вещей, они высказывались в пользу изучения природы как божественного откровения, равно как и изучения деяний человека. Разве не хватило бы подобных новшеств для того, чтобы составить множество пунктов обвинения?

д) Среди аристотеликов – помимо Леонико Томео, который пытался примирить учение Аристотеля о *tabula rasa* с Платоновой теорией припоминания идей, – Алессандро Акиллини, профессорствовавший в Болонье, отказывается признавать какие-либо универсалии за исключением того, что присутствует в природе как сущность вещей. Истинно универсальное неотделимо от отдельной вещи и не предшествует ей, но присутствует в ней как форма в материи. Универсалии как формы в материи необходимы для развития человеческого разума, сообщая ему способность к познанию Творца. Изначально ум существует лишь как возможность, в нем нет врожденной универсальной мысли, но лишь познавательная способность. Ум начинает с чувственного мира и в чувственно воспринимаемом он познает универсальные идеи, заложенные Богом в природе. То универсальное, что есть в природе, соединяет нас с Богом. Отсюда необходимость исследовать универсальную мысль Бога в природе.

Более пристальное, чем прежде, изучение Аристотеля, как говорит Риттер²², к тому времени уже позволило заметить, что аристотелизм был враждебен по отношению к номинализму. Номинализм, отрицавший реальность универсалий, препятствовал исследованию Бога в природе и склонялся к учению о противопоставлении естественного сверхъестественному.

Уроженец Мантуи Помпонацци исследует границы человеческого ума. Познание наше, опирающееся на интуицию, не постигает истину; оно есть лишь тень и след разума. *Verius et ratio quam intellectus appellari dicitur. Non enim, ut ita dixerim, intellectus est, sed vestigium et umbra intellectus*²³. **Соединение возмож-**

²¹ «Все нижнее соответствует верхнему, и все, что происходит внизу, происходит и наверху» – Спавента цитирует эти слова в контексте своих рассуждений о Рейхлине, однако более или менее беглый поиск в тексте «Искусства Каббалы» не позволяет найти им явное соответствие; в то же время эта фраза почти в точности повторяет второй афоризм из герметической «Изумрудной скрижали» (*Tabula smaragdina*), латинский текст которой впервые был опубликован в 1541 г.

²² Имеется в виду двенадцатитомная «История философии» (*Geschichte der Philosophie, 1829–1853*) Генриха Риттера (1791–1869); том, посвященный философии Нового времени, вышел в Гамбурге в 1850 г.

²³ «...Поэтому вернее назвать его рассудком, нежели разумом, ибо он, можно сказать, не есть еще разум, но лишь след и тень разума» (*Пьетро Помпонацци. «О бессмертии души» (De immortalitate animae, 1516), трактат IX.*

ного разума с разумом активным не может быть целью человеческой деятельности; человек *aliquid immaterialitatis odorat*²⁴ и не более; мало того, даже о природе он знает слишком мало. Чувства достовернее, нежели рассудок, опыт – нежели рациональные принципы. Первоначала невозможно доказать, они могут быть лишь предметом веры. Коль скоро дело обстоит так в познании природы, тем более это будет справедливо в познании сверхъестественного: здесь необходима вера. Не только спекулятивная, но и практическая деятельность человека *ограничена*, пусть вторая и менее первой. В практике человек способен прийти до той степени совершенства, что недоступна ему в отвлеченной мысли. Необходимо признать возможность случайного характера творения, которое не может быть познано силою нашего разума. Точно так же и естественный рассудок неспособен примирить человеческую свободу с божественным предопределением, равно как и разрешить проблему бессмертия души. Вне тела невозможен ни теоретический, ни практический разум: первому доступно познание всеобщего только через частное, а для создания представления о частном ему необходимы чувства и воображение; второй ни на что не годен без тела как объекта своей деятельности: воля не может действовать без телесных инструментов. Необходимость тела как для отвлеченной мысли, так и для практического действия налагает на наш разум такие ограничения, что, даже если допустить, что мы бессмертны, мы никогда не смогли бы приблизиться к познанию истины. (Помпонацци отвергает возможность наличия интуитивного видения у пребывающих в раю.) На какую же стезю в таком случае надлежит направить усилия разума? Следует отказаться от попыток познания трансцендентных объектов и обратиться к практическим жизненным нуждам.

Помпонацци смело выявляет противоречие между философской и религиозной достоверностью, между познанием природы и сверхъестественного, вплоть до отрицания какого-либо превосходства второго над первым; сверхъестественное остается непознаваемым даже после смерти. Скептицизм Помпонацци несколько уравнивается его практической философией; именно практическую жизнь он полагает назначением человека. Как отмечает Риттер, никто из его современников не поднимается до такого понимания связи между научным знанием и реальной жизнью. Слава этого достижения принадлежит ему неотъемлемо.

е) Среди новых филологов Хуан Луис Вивес постулирует невозможность учения о научном доказательстве: человеческое знание ограничено и способно достичь в лучшем случае некоторого подобия истины, но не самой абсолютной истины. Практический элемент надлежит предпочесть умозрению.

Ниццоли отрицает реальность универсальных идей: познаваемы только материальные вещи; истинный метод познания – индукция. Отсюда следует невозможность науки, которая есть не что иное, как познание универсалий; знание неизбежно тождественно мнению, то есть знанию чувственно воспринимаемых отдельных вещей. Данное направление мысли благоприятствовало изучению явлений природы. Подобно Вивесу, Ниццоли различает в познании формальный и материальный элемент: первый из них составляет филология, второй – философия; первый есть душа, второй – тело. Такое же разграничение проводит и Пьер де ла Раме (Рамус), в своих предпочтениях склоняющийся от материального в пользу формального.

Филологическая школа мысли несла в себе внятную идею: следует держаться природы, признавать в качестве закона то, чему учит она; уроки природы всегда указывают верное направление. В эту эпоху духовенство как

²⁴ «До некоторой степени обоняет нематериальное» (там же).

образованный класс отделено от простого люда, и филологи, доказывая состоятельность здравого смысла и обыденной манеры мыслить и говорить, способствуют преодолению разрыва между учеными и народом. Они настаивали на том, что, хотя образование ученых основано на техническом словоупотреблении, это не означает их изоляции от общей жизни народа, среди которого они обитают.

ж) Среди реформаторов Меланхтон утверждает, что абсолютную истину познать невозможно, следует удовольствоваться опытом; начиная с чувственного восприятия, мы поднимаемся к познанию духовных объектов. Мир есть откровение Господне, и как таковой он есть предмет философии. Теология и философия должны быть отделены друг от друга; философии надлежит быть доступной народу и служить жизни. Любви заслуживает не одна добродетель, но также и жизнь с ее благами, такими как брак, политическое общежитие, умеренные и дозволенные Господом радости.

Парацельс рассуждает о том, что человеку необходимо искать истину не только внутри себя, но и вне себя; ему надлежит познавать малый мир – мир внутренний – по образцу большого, внешнего мира. Все искусство человека состоит в том, чтобы внешнее превратить во внутреннее, чтобы великий мир сделался малым. Что есть природа, как не философия? И что есть философия, как не незримая природа? Познающий незримо переносит познаваемый предмет внутрь себя: он есть чистое зеркало вещей.

Философ должен из неба и земли устроить микрокосмос; он не может найти в небесах и на земле того, что он не найдет в человеке. Бог познается через природу. Человек содержит в себе все составные части мира, он рожден, чтобы природа могла обнаружить себя, иначе говоря, чтобы явной сделалась внутренняя сущность, заложенная Богом в вещах. Так в человеке исполняется предназначение мира. Однако это невозможно без опыта, без трудов человека, долг которого – разделять и соединять вещи и переносить внутреннее во внешнее.

з) В Италии, в то время как церковная иерархия, прежде всего усилиями иезуитов, стремилась возродить обновленную схоластику, все более чистые и определенные формы приобретал натурализм. Телезио заявляет о своем желании следовать чувствам и природе. *Qui ante nos mundi huius constructionem rerumque in eo contentarum naturam perscrutati sunt, diuturnis quidem vigiliis magnisque illam indagasse laboribus, at nequaquam inspexisse videntur. Sensum videlicet nos et naturam, aliquid praeterea nihil secuti simus*²⁵. Здесь провозглашается новый принцип естественных наук: метод следования природе и наблюдениям. Телезио – предшественник Бэкона и Галилея. Одни только чувства, говорит он в другом месте, позволяют нам познавать природу; более того, доказательство, выведенное из данных чувственного восприятия, надежнее математического. *In eo certe naturales (conclusiones) praestare videntur, quod a propriis hae principiis et a propriis manant causis, at mathematicae a signo omnes*²⁶. Мы знаем, куда

²⁵ «Те, кто прежде нас исследовали устройство сего мира и природу вещей, в нем содержащихся, потратили на изучение ее долгие бдения и великие труды, однако, похоже, ничего не разглядели в ней. – Мы, безусловно, должны следовать чувствам и природе, и ничему кроме них» (*Бернардино Телезио. «О природе согласно собственным ее принципам» (De rerum natura iuxta propria principia, 1563), кн. I, Предисл., л. 2).*

²⁶ «Очевидно, что <выводы,> сделанные на основе природы, несомненно, имеют больше ценности, <чем математические,> ибо они вытекают из собственных ее начал и собственных ее причин, тогда как все математические – только из знака» (*Телезио. «О природе», кн. VIII).*

спустя столетия привела эта единственная дорога – к натурализму и материализму. В самом деле, для Телезио, который требует исследовать всякую вещь посредством чувств, любые объекты превращаются в чувственно воспринимаемые: силы природы – это силы исключительно чувственные. Даже в этике любая добродетель, с его точки зрения, может быть сведена к чувственному инстинкту самосохранения; у добродетели имеется единственное основание – рациональное размышление, порождаемое опытом того, что есть полезное и вредное. Озабоченность собственными интересами кроется во всех наших устремлениях и аффектах.

Телезио отделяет физику от теологии, морали, религии и даже от метафизики. Он не отрицает этих наук, более того, он признает существование некоей науки, возвышающейся над физикой, однако он считает пагубным любое влияние на нее этих наук.

и) Среди последних платоников Патрици, друг иезуитов, доверительно посвящавший их в свою философию, и гневный обличитель Аристотеля, движется более или менее в том же русле, что и Телезио. В его системе (*Nova de universis philosophia*) предлагается по преимуществу физическое объяснение вселенной; точки соединения всех наук надлежит искать в опыте. Патрици признает метафизику и нередко обращается к ней, пусть рассуждения его лишены четкости и он не оперирует точными определениями принципов, однако по большому счету эта дисциплина как теория сверхъестественного не имеет для него, как и для прочих натурфилософов сходного типа, иного смысла, кроме обозначения границ философии физики: по сути дела, ей уже отказано в почетном месте среди прочих наук. При всем том Патрици далеко не сенсуалист, каким был Телезио; он полагает начало всякого познания не только в показаниях чувств, но и в уме. *De incognitis nulla nobis condetur philosophia. A cognitis ergo initium sumendum. Cognitio omnis a mente primam originem, a sensibus exordium habet primum*²⁷. Всякое действие, всякая сила для Патрици всегда есть нечто бестелесное и нематериальное; тело, материя сами по себе неподвижны; сила в чистом виде чувственно воспринимаемая есть противоречие. *Omnis enim actio incorporei. Nullum enim corpus actionem sui natura habet ullam, et si quid corpus actionem sui natura habet ullam, et si quid corpora agere videantur, per incorporeum quid, quod in ipsis est, id operantur*²⁸. – *Passiones namque corporum sunt actiones. Nihil enim aliud agit corpus quam patitur*. Заслуга Патрици по сравнению с его предшественниками состоит в том, что данному учению он придал невиданную прежде концептуальную ясность и строгость.

к) Среди последних аристотеликов Цезальпин – автор первой систематической ботаники и первой минералогии, еще до Гарвея открывший циркуляцию крови, – рассматривает универсум как живое существо и все вещи в мире как органические части этого существа. Вещи имеют значение лишь постольку, поскольку они суть органы универсума и несут в себе жизнь целого. Бытие всякой субстанции полностью тождествен-

²⁷ «Философию нельзя воздвигнуть на том, что не познано; следовательно, мы должны начинать с познанного. Первоисточник всякого познания – ум, начало его – в чувствах» (*Франческо Патрици. «Новая философия вселенной» (Nova de universis philosophia, 1591), кн. «Всесветлая» (Panaugia), л. 1b*).

²⁸ «Всякое действие идет от бестелесного начала, ибо никакому телу по природе его действие не присуще, и если кажется, что тела сами совершают какие-то действия, они совершают их посредством чего-то бестелесного, что есть в них. В действительности действия тел – это их претерпевания, ибо тело не делает ничего, кроме как претерпевает воздействие» (*Франческо Патрици. «Новая философия», «Всесветлая», л. 20*).

но с присущим ей действием; соединение всех действий есть всеобщая жизнь мира. Вечное и всеобщее основание всех вещей – материя, которая как субъект телесности не подвержена возникновению и уничтожению; она есть чистая протяженность (*ingenita et incorruptibilis substantia*)²⁹. Материя есть умопостигаемое бытие Бога (то, чем для кардинала Кузы была потенция), который как высший разум есть всеобщая форма мира. Бытие разумных существ состоит в познании ими самих себя. Множественность индивидуальных разумов зависит от множественности материальных форм. Разум, присутствующий повсюду, един; таким образом, разумное существо представляет собой уже не индивидуальный разум, но лишь разум в отдельном. Разум есть одновременно одно и множество, подобно тому как чувственная способность души присутствует в членах тела. Этот разум есть Бог. Бессмысленно спрашивать, присутствует ли в разумном существе чужой разум, ибо в действительности не существует других разумов, но только единственный разум, всегда один и тот же. Индивидуальные разумы отличаются друг от друга, как нога и рука, как глаз и ухо. – Божественное есть во всякой вещи, а всякая вещь в некотором смысле есть одно, в противном случае было бы невозможно переходить от одной вещи к другой. Задача науки – постигать Одно, присутствующее во всех вещах и в нас самих. Постигая самих себя, мы постигаем Бога, причастность к которому определяет наше бытие, и это вечное умозрение есть блаженство. – Без материи – по крайней мере, без чистой материи – разум невозможен; невозможна и множественность разумов.

Дзабарелла также признает вечность материи и утверждает, что как субъект телесности она есть чистое протяжение. Физику он ставит выше метафизики, более того, в первой он видит основание второй. От познания мира мы движемся к познанию Бога. Мыслящее начало неотделимо от тела, от материи.

Кремонини³⁰, бывший профессором в университетах Феррары и Падуи, выдвигает индукцию и опыт в качестве истинного пути, ведущего к началам науки. Физика есть наука по преимуществу: существование Бога может быть доказано только физически. – Сущность духа есть мышление: разумное существо познает исключительно само себя. Сущность материи есть протяженность.

Выходцем из той же падуанской школы был печально кончивший Ваннини³¹, рассказ о котором я опускаю, так как его произведения и его философия достаточно известны.

Из всех приведенных цитат, которые я почти наобум заимствовал из разных произведений, все же становится очевидно, к какому итогу в течение почти двух столетий стремилось великое философское движение, развернувшееся главным образом в Италии и достигшее своей вершины в фигурах Бруно и Кампанеллы. Декарт, Бэкон, Спиноза, Локк не заставили себя долго ждать. Кто-нибудь скажет, что весь этот период, которому история справедливо дала имя Возрождения, означает лишь искажение итальянского духа.

²⁹ «Субстанция, не подверженная возникновению и уничтожению» (лат.).

³⁰ Чезаре Кремонини (1550–1631) посвятил свои труды толкованию естественнонаучных сочинений Аристотеля. Принято считать, что именно он явился прототипом Симпличио в «Диалоге о двух главнейших системах мира» Галилея.

³¹ Джулио Чезаре Ваннини (1585–1619) по философским взглядам был близок к Джордано Бруно. Преследовался Инквизицией за пантеистические воззрения; был обвинен в атеизме и ереси и приговорен Тулузским судом к отрезанию языка и повешению.

Что же, можно сказать и так. Однако ни при каких условиях невозможно отрицать, что это «искажение» длилась два столетия и совпало с самыми великими открытиями современного духа, такими как книгопечатание, кругосветные путешествия, Новый Свет, коперниканская система, и то торжественное предостережение (чтобы не назвать это по-другому), которое церковная иерархия получила от одного из братьев и из которого она, по обыкновению своему, извлекла общеизвестные выгоды!

Перевод с итал. яз. Ю.Г. Россиус